

ЗЛАТАЯ ПОВИТЕЛЬ¹

* * *

О, Родина!
Штапельный ветер
и простенький ситчик небес,
и всклень, под завяз, в первоцветах
пропахший медушником лес.
Без памяти, до исступленья,
мир Божий всё крепче люблю:
и отчее это селенье,
и церкву на дальнем краю,
погост за оградю древний,
и пожню, что скрыл березняк,
и в грае грачином дерева,
и старый бескрылый ветряк,
и глинистый этот просёлоч,
что помнит прапращур след,
что мне столько лет, даже в морок,
лучит негасимый свой свет...

* * *

Цикадами ночь стрекотала
в анисовых ситцах,
пыльцою подлунной кропила
цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это
вовсе не снится,
от поступи чьей-то скрипели
в дому половицы,
и глаз не смыкал Чудотворец
в старинном окладе.

Черствеет душа, остывает
в разлуке с природой...
Моя ль в том вина, или век наш,
бездушный, повинен?
Не хожены стёжки —
и в сердце скулит непогода.
И саднит печаль,
став мучительной раной за годы —
совсем истончилась
сакральная связь-пуповина.

Опять закипают в родимых долинах анисы,
к полудню завит палисадник
златой повителью,
над поймой двух радуг цветастых
легли коромысла,
в берёзовых кронах умытое солнце
повисло
опять без меня...
Без меня здесь рождались, старели...

А ночь напролёт от любви
изнывали цикады,
и спать, — хоть убей! —
не давали в дому половицы.
И я! Это я! Приглядишься:
вдоль вишнёвого сада
чуть свет, по заре,
даже росы ещё не обмяты,
в косынке белесой иду за водой
на криницу.

¹ Повитель — народное название вьющихся растений

* * *

Заря вознеслась, и над полем,
над лугом, где мчит грузовик,
над горсткой берёз белоствольных —
снопы золотых повилик.

Плотицей блеснула под кручей
упавшая в полночь звезда,
жемчужною росною тучей
вдоль поймы легла резеда.

Плеснулась широкою песней
черёмухи майская цветь.

Лучат голубые пролески
очей милой матушки свет...

Нарядной скатёркой столешню
накроют для жданных гостей,
поκληчат соседей поспешно
наслушаться свежих вестей.

Пожарят на сале яишню,
блинов от души напекут,
бутылочку свойской отыщут,
в саду самовар заведут.

Хмельные потом под окошком
от счастья затеют опять
плясать и вовсю под гармошку
чапушки до свету страдать.

Душа воссияет от лада,
Прошепчет, случись, на краю:
«О, Русь, драгоценная Лада!

Не верю в погибель твою!»
Не верю в надрыв твой сердечный,
и в незаживание ран,
и в русский авось, наш беспечный,
в дыравый извечно карман
покуда в селении нашем, —
я знаю: врагам не с руки, —
всем миром и сеют, и пляшут
родные мои земляки.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то накупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.
Позови — ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,

лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник большой,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой — речными покосами.
Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Просёлок. Татарник. Табун за околицей.
И спелой клубникой пропахший угор.
В травнице по плечи —
берёз белостолица.
Крылатая воля! Безбрежный простор!

И, вроде, давно я тоску пересилила —
бывала судьба и со мною щедра.
Но манят и кличут омытые ливнями,
спалённые солнцем родные ветра!

* * *

Ах, с этим буйством нету слада —
июльских мальв дремучий бор!
Шмелям пресыщенным отрада
их разномастный коленкор.
В них, пересыпанных цветами,
весь мир заполонив собой,
взахлёб, — о чём, не помнят сами! —
цикады гомонят гурьбой.
Замрут, как дети, от испуга,
когда с корзинкою в руке
я пролечу вдоль стёжки вьюгой,
следы оставив на песке.
И там, за маревом в долине,
исчезну в сонме диких трав,
в терлич-траве, в степной полыни,
собрал в охапку сон и явь...
Сакральность солнечного света,
волхвующего сквозь плетень,
янтарность яровых ранеток
в тазу, кипящем на плите,
сдуревший от восторга пивень,

разголосоивший близь и даль,
и ахнувший сквозь солнце ливень,
что мальвы окунул в сусаль...

Посмотришь в радостные выси,
и в десять беззаботных лет
вдруг сердце заискрится мыслью:
конца и края счастьем нет!

* * *

Росную каплю
обронит былинка —
сонно аукнет
в лугах тишина...
С этого взгорья,
от церкви старинной,
как на ладони,
округа видна.
Ветер над полем
расперится птицей —
рожь загуляет
молочной волной.
Не перестанут
довеку мне сниться
эти безбрежный простор
и покой.
Разве не праздник,
не радостно сердцу —
житное поле
во весь горизонт?
Не надышаться
и не насмотреться,
хочешь не хочешь —
душа запоёт.
Этот просёлок,
что вышел навстречу,
помнит в пыли
босоногий мой след...
Жмуркие окна
моей восьмилетки
не погасили
донины свой свет...

Что ж бы не жить-то
на этом приволье?
Ждать к сентябрю
на столе новины,
рощи стозвонной
любить белостволье,
с хрустом рубить
к Покрову кочаны...

«Сколько вас, тех,
что искали, где краше, —
мочи не стало
у поля молчать, —
как погляжу-то,
обличием наша...
Только не помню вот:
чья же ты?..
Чья?..»

* * *

Напрочь селенье снега занавесили —
светлая тихая грусть.
Каждая улочка, — пусть куролесится! —
помнится мне наизусть.
Там в три оконушка под тополями
старый родительский дом.
Там первопуток плутает полями
к росстаням с древним крестом.
Скирды вдоль поймы рядочком сенные,
церква — в ограде из лип.
Роца на взгорье с крылами сквозными,
маминых бурочек скрип...
Трёт жерновами за стенкой Вселенная,
мелется, мелется ночь.
Милая отчина, память нетленная,
я — твоя кровная дочь.
Мучают день ото дня всё
сильнее
думы о скрытом в снегах,
властью и Богом забытом
селенье,
дедов погасший очаг.

